ЮРЧЕНКОВ В.А.

Последний царь — Первый Император

КНИГА ПЕРВАЯ

ИСКУШЕНИЕ ВОЙНОЙ

Владислав Юрченков

Последний царь — первый император. Книга первая: «Искушение войной»

«Автор»
2026

Юрченков В. А.

Последний царь — первый император. Книга первая: «Искушение войной» / В. А. Юрченков — «Автор», 2026

Январь 1914 года. Николай II просыпается после видения, в котором его семья погибает в подвале чужого дома. В памяти остаются обрывки: вагон, отречение, название далёкого города — Сараево.Он не знает, когда начнётся катастрофа и чему из увиденного можно верить. Но впервые готов изменить решения, которые прежде казались единственно возможными.За каждым приказом обнаруживается чужой интерес. Министры защищают ведомства, генералы готовятся к войне, союзники требуют гарантий. Попытка разобраться в снабжении армии оборачивается опасным обвинением, а обещание выслушать рабочих — испытанием, за которое платят чужими жизнями. Тем временем русский агент на Балканах ищет доказательства угрозы, которую пока невозможно объяснить.Чтобы сохранить семью, государю предстоит научиться отличать страх от знания, верность — от удобного согласия, а собственную волю — от решения, которое действительно смогут исполнить.«Искушение войной» - первый роман цикла «Последний царь — первый император».

© Юрченков В. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая 6
Глава 1 Подвал 6
Глава 2 Записанное от руки 12
Глава 3 Условия министра 17
Глава 4 Человек, которого нельзя заменить 22
Часть вторая 27
Глава 5 Деньги на мир 27
Глава 6 Цена доверия 32
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Владислав Юрченков
Последний царь — первый император. Книга первая: «Искушение войной»

Последний царь — первый император
Искушение войной
Юрченков В. А.
Книга первая

Роман разворачивается в альтернативной истории. После января 1914 года решения правителя изменяют дальнейшие события. Интриги, расследования и реплики исторических лиц принадлежат художественному сюжету. Даты повествования приведены по новому стилю; иной счёт в записях героев оговорён отдельно.

Часть первая

Глава 1 Подвал

14 января 1914 года. Царское Село.

Последним Николай увидел не оружие. Он увидел, как Алексей пытается приподняться на стуле.

Мальчик услышал что-то раньше него: короткое движение у двери, металлический звук, чужой голос, назвавший их фамилию так, словно это было название вещи. Алексей потянулся к отцу. Николай сделал шаг и успел подумать, что нужно заслонить сына, прежде чем удар в грудь сбил дыхание.

Он проснулся уже сидя. Правая рука упиралась в матрас; левая была вытянута перед собой. В горле стоял сладкий привкус, и несколько секунд он не мог понять, почему во рту нет крови.

— Ники?

Александра зашевелилась рядом. Не поднималась: сначала положила руку ему на спину, как делала, когда он кашлял ночью. Ладонь была тёплой. От этого Николай наконец увидел комнату.

Тёмное окно, прямоугольник двери, слабая лампа у икон. Из коридора доносились шаги дежурного. Шаги приближались, удалялись, снова приближались. В той комнате шагов не было. Там все уже стояли на своих местах.

— Что с тобой?

Он хотел ответить: «Ничего». Ответ был приготовлен так давно, что почти вышел сам. Вместо него Николай спросил:

— Где дети?

Александра села.

— Спят. Ники, что случилось?

— Все здесь?

— Где же им быть?

Он спустил ноги на пол. Паркет оказался холодным; он машинально поджал пальцы и рассердился на это движение. Ему только что стреляли в грудь, а он поджимал пальцы от холодного пола.

— Я посмотрю.

— Ты разбудишь их.

Николай нашёл халат не с первой попытки. Пока искал, Александра успела зажечь другую лампу. Он увидел себя в небольшом зеркале: борода обычного цвета, лицо без крови. В зеркале не было того человека с опущенными плечами, который не сумел дотянуться до мальчика.

Дежурный офицер поднялся при его появлении. Николай спросил, кто находится на детской половине. Офицер назвал фамилию, потом повторил её: государь смотрел на него, не отвечая.

— Никого не впускать без доклада.

— К детям, ваше величество?

— На жилую половину.

— Порядок и так установлен…

Николай поднял глаза. Офицер оборвал фразу, выпрямился и сказал, что приказ будет исполнен.

В дверях комнаты Алексея пахло тёплым бельём и лекарством, запах которого Николай обычно почти не замечал. У окна дремал дядька. Он встал, потянулся поправить ворот и застыл, ожидая вопроса.

Мальчик спал на боку. Одна рука лежала поверх одеяла. У постели стоял низкий столик с чашкой, книгой и карандашом. Карандаш был обгрызен.

Николай подошёл так близко, что заслонил лампу. Алексей пошевелился, втянул руку под одеяло. Обычное детское движение. Николай смотрел на одеяло, ожидая следующего вдоха.

— Не будите, — сказал он дядьке, хотя тот ничего не делал.

У дочерей он остался у двери. Голова Ольги едва виднелась над подушкой. На стуле у Марии лежало платье, брошенное так, как запрещала мать. Между кроватями темнела полоска пола. Николай помнил другой пол: грязный, с осыпавшейся штукатуркой, и ноги, которые некуда было поставить, чтобы не наступить на дочь.

Он закрыл дверь осторожнее, чем открывал.

Александра ждала в спальне. Она успела надеть накидку и теперь выглядела совсем проснувшейся.

— Ты напугал офицера.

— Пусть лучше будет внимателен.

— Он внимателен. Что ты видел?

Николай сел на край кровати. Его халат разошёлся, и Александра подтянула полу, закрывая ему колено. От этого маленького заботливого движения ему стало хуже.

— Нас куда-то вели, — сказал он. — Всех.

Она ждала.

— Я нёс… Нет. Я не помню, как мы спустились. Комната внизу. Они велели ждать.

— Кто?

— Не знаю.

Он знал лицо человека у двери. Знал его маленькие глаза и то, как рот двигался отдельно от спокойного остального лица. Но сказать, что видел незнакомого человека так ясно, оказалось труднее, чем произнести: «Не знаю».

— Это сон, Ники.

Он кивнул. Она приняла кивок за согласие.

— Ложись. До утра ещё далеко.

Лечь значило вернуться туда, где он не мог двигаться. Он сказал, что посидит в кабинете. Александра попросила не работать. На это Николай не ответил.

В кабинете было прохладно. Он придвинул стул к лампе и взял бумагу. В верхнем углу поставил дату: первое января — число, которым жил дворец. Ниже приписал четырнадцатое, как в международной переписке. Две записи означали один день, но сейчас ему хотелось удостовериться даже в этом.

«Екатеринбург», — написал он.

Потом: «Дом. Нижняя комната. Июль 1918».

Год был на листке, который во сне кто-то держал у двери. Николай запомнил его прежде выстрела. В своём январе он написал число дважды, проверяя, не меняет ли память последнюю цифру. Следом попытался нарисовать лицо человека из автомобиля: молодой, худой, тёмные волосы. Больше он не вспомнил. Он не знал ни имени, ни улицы.

Рука задержалась над следующим словом. Он не хотел писать фамилии дочерей. Стоило оставить их на бумаге, и они как будто становились частью того помещения. Николай отложил перо и перечитал написанное.

За стеной прозвонили часы. Где-то открылась дверь, тихо разговаривали двое слуг. Жизнь дворца начинала повторяться в том порядке, который он знал почти двадцать лет. Через

несколько часов принесут доклады. Кто-нибудь попросит прибавку, кто-нибудь будет возражать против назначения. Ему придётся слушать и выбирать, как будто у него не было этой комнаты в голове.

Он написал: «Не рассказывать. Проверить».

Утром Алексей пришёл к завтраку с книгой о кораблях. Он настаивал, что рисунок неверен, потому что на настоящем судне лестница должна вести иначе. Николай выслушал объяснение дважды.

— Ты понимаешь? — спросил мальчик.

— Да.

— Тогда почему смотришь на меня?

Дочери засмеялись. Николай тоже попытался улыбнуться.

Ольга сидела у окна. Он спросил, чего она хотела бы в новом году. Она подняла глаза от книги.

— Чтобы ты не отменял то, о чём мы уже договорились.

— О чём мы договорились?

— Съездить к тёте. Ты обещал ещё осенью.

Он не помнил. В той комнате он помнил её лицо, а эту просьбу не помнил.

— Поедешь, — сказал Николай.

— Когда?

Александра поставила чашку на блюдце. Ольга заметила её взгляд и больше не спрашивала. Но Николай сам назвал срок. Он назвал его, не заглянув в календарь, не проверив приёмов и поездок.

Обещать оказалось легко. Алексей уже объяснял сестре устройство шлюпки, Мария спорила о том, кому достанется последнее печенье. Николай сидел среди них и чувствовал почти физическую благодарность за этот шум.

В кабинете его ждало утреннее распоряжение об охране. На листе стояли три фамилии. Начальник дворцовой службы осторожно сообщил, что немедленное выполнение потребует смены постов и вызовет вопросы у всех живущих во дворце.

— Государь, мы должны знать, откуда угроза.

Николай посмотрел на подпись внизу. Офицер, испугавшийся ночью, исполнил приказ буквально и теперь отвечал за то, что другие считали излишним.

— Угрозы пока нет, — сказал Николай. — Проверьте порядок. Без объявлений.

Начальник помолчал.

— Отменить ночной приказ?

— Привести его в разумный вид.

Начальник поклонился и ушёл. Николай перевернул оставшуюся бумагу чистой стороной вверх. Ночью он велел никого не впускать, не назвав ни угрозы, ни срока. Теперь нужно было заново объяснять людям на постах, кого они охраняют и от кого.

* * *

В тот день Николай всё-таки вышел на обычную прогулку. Он надел шинель, позволил подать перчатки и только у наружной двери понял, что не помнит, как прошёл две последние комнаты. Слуга ждал, держа шапку на вытянутой руке. Государь поблагодарил его дважды.

На снегу сохранились полосы от утренних саней. По краям дорожки стояли деревья с чёрными влажными стволами; снег на ветвях уже осел и местами свисал тяжёлыми подушками. За поворотом ждал офицер сопровождения. Николай попросил держаться дальше. Офицер отступил на несколько шагов, и этого оказалось недостаточно: собственное дыхание всё ещё смешивалось с чужими шагами.

Он прибавил ходу. До ночи прогулка помогала ему отделить дела от домашнего часа. Можно было смотреть на знакомый просвет между деревьями и несколько минут ничего не

решать. Теперь знакомое требовало проверки. Он смотрел на открытое место, на окна, на фигуру у решётки. Каждый человек знал, где находится государь. Сам государь не знал, что произойдёт через час.

У служебной дорожки двое рабочих поправляли ограждение. Один держал доску, другой бил молотком. Первый удар Николай принял спокойно. От второго остановился; третий пришёлся на мгновение, когда он уже пытался заставить себя идти. Офицер сопровождения оказался рядом быстрее, чем следовало.

— Что-нибудь случилось, ваше величество?

Молоток замер над доской. Рабочий снял шапку, его товарищ продолжал держать гвоздь двумя пальцами. Николай увидел эту руку: покрасневшие суставы, трещину у ногтя. Из-за его остановки человек теперь стоял неподвижно на морозе.

— Нет. Продолжайте.

Молоток опустился не сразу. Николай пошёл дальше и почувствовал злость, которую трудно было к кому-нибудь направить. Эти люди ничего ему не сделали. Офицер выполнил долг. Даже звук был обычным, совершенно обычным звуком, которого он не сумел выдержать.

Возле озера он остановился снова, уже по собственной воле. Офицер остался в отдалении. Николай снял перчатку и положил ладонь на металлический край ограды. Холод сперва был терпимым, затем стал болью. Он держал руку, пока не почувствовал мокрые пальцы.

Здесь не было подвала. Здесь можно было отойти. Он отошёл.

Возвращаясь, государь спросил у офицера, кто работает у служебной дорожки. Тот готов был узнать фамилии. Николай сказал, что не требуется. Поручение превратило бы людей с молотком в предмет проверки, и ему пришлось бы объяснять, чем они заслужили такую честь.

Вечером дочери устроили чтение. Анастасия объявила, что будет изображать всех персонажей, поскольку остальные слишком медленно выбирают. Татьяна потребовала соблюдать очередь. Мария сказала, что не желает читать злую женщину, и сразу согласилась, когда ей обещали другую роль в следующей главе. Ольга заметила, что следующая глава может наступить только завтра.

Николай сидел в кресле у лампы. Он знал, когда Анастасия нарочно изменит голос, и всё же рассмеялся. Она посмотрела на него с торжеством, пропустила строку и начала снова. На несколько минут он перестал считать присутствующих.

— Папа, теперь ты, — сказала Мария.

Ему протянули книгу. Он нашёл место, прочёл предложение и не смог вспомнить, кто говорит. Вернулся на предыдущую страницу. Ольга тихо подсказала имя. Николай кивнул и начал читать вслух.

Александра вошла, когда чтение уже сбилось в спор. Она слушала от двери, не прерывая. После её появления все невольно сели ровнее, а Анастасия спрятала за спиной лист, на котором рисовала вместо того, чтобы следить за текстом.

— Дай посмотреть, — попросила мать.

На рисунке у мужчины была непомерно большая борода. Анастасия сказала, что это персонаж книги. Мужчина сидел в кресле, похожем на отцовское.

Николай попросил оставить ему рисунок. Дочь не ожидала и сперва отказалась: он был не закончен. Потом добавила ещё одну линию и вручила лист с такой поспешностью, будто теперь хотела отделаться от своей дерзости.

Позднее Александра нашла рисунок возле тетради. В кабинете горела одна лампа. Николай сидел, не сняв очков, хотя уже ничего не читал.

— Ты всё время проверяешь, — сказала она.

Он хотел ответить, что проверять необходимо. Жена села в соседнее кресло и провела пальцем по нарисованной бороде.

— Алексей спрашивал, почему ты приходил ночью. Дядька сказал, что тебе захотелось его увидеть.

— Так и было.

— Тогда пусть завтра будет день, когда ты захочешь его увидеть при свете.

Николай посмотрел на неё. Она говорила без упрёка, но усталость делала её лицо жёстче. За одну ночь он забыл, что ей тоже пришлось проснуться, ждать в комнате, слушать его обрывки и решить, насколько им можно верить.

— Ты не спала после меня?

— Немного.

Ответ был похож на тот, который он сам приготовил утром. Он придвинул к ней лист с рисунком. Александра улыбнулась, потом улыбка исчезла.

— Я боюсь не только того, что тебе приснилось. Я боюсь, что ты останешься там, а нас будешь видеть только для того, чтобы удостовериться, что мы ещё здесь.

Николай поднялся, подошёл к ней и положил руку на спинку кресла. Она ждала прикосновения к плечу; он заметил это с опозданием и обнял её. Некоторое время они стояли так, не находя удобных слов.

Когда она ушла, он не открыл тетрадь. Взял рисунок, положил в верхний ящик и задвинул его. В нижнем оставались записи той ночи, которыми он пытался объяснить будущее. В верхнем лежало то, что дочь сделала сегодня, не зная ни об одном из них.

* * *

На следующий вечер дежурил тот же офицер. Николай увидел его, возвращаясь от детей. Сутки назад человек вскочил сразу; теперь поднялся в положенный момент, будто старался не показать излишнего испуга.

Государь спросил фамилию.

— Петров, ваше величество.

— Вы давно на этом посту?

Офицер назвал срок. Потом, решив, что вопрос касается ночного происшествия, начал объяснять, что исполнил распоряжение буквально. Николай остановил его.

— Я знаю. Вам не за что оправдываться.

Петров перестал говорить. До него ещё не дошло, к какому виду приёма относится этот разговор.

— У вас есть дети?

— Дочь, ваше величество.

— Сколько лет?

— Два.

Николай кивнул. Два года значили совсем другую меру родительского страха, чем девять или восемнадцать. Ему хотелось спросить, просыпается ли девочка ночью, умеет ли говорить, боится ли отец, оставляя её. Вопросы были слишком домашними для коридора, где человек стоял по форме.

— Когда вы получите распоряжение, которое неясно, спросите ещё раз, — сказал государь.

Петров посмотрел на него и тут же опустил взгляд.

— Даже если вы недовольны?

Николай почувствовал желание смягчить вопрос. Офицер уже рисковал, называя недовольство прямо.

— Да.

Он пошёл дальше. Обещание звучало просто, но касалось того, чего он прежде не требовал от себя. Если Петров действительно переспросит в момент раздражения, нужно будет помнить этот разговор.

На следующий день в служебном журнале появилось объяснение перемены охраны. Его написал человек, который видел только приказ и его отмену. Ничего о дочери Петрова в журнале не было. Через несколько рук запись могла пройти, не сохранив ни одной причины, по которой её участники говорили и действовали. Николай узнал об этом позднее. Пока он думал, что ночное происшествие осталось между ним, женой и дежурным.

Глава 2 Записанное от руки

К вечеру в тетради оказалось семь страниц. На первых двух Николай писал быстро; дальше между словами появлялись промежутки, и некоторые строки заканчивались посередине.

Он помнил вагон. Длинный стол, чужие лица, бумагу, которую требовали подписать. За окнами лежал снег. На бумаге было второе марта 1917 года — по дворцовому счёту, которым он пользовался сейчас. Николай приписал рядом пятнадцатое, но не был уверен, что различил дату верно. Кто-то говорил о брате. Кто-то — об армии. Лица человека напротив он не мог вспомнить и злился, словно тот намеренно спрятался от него.

На другой странице стояло слово «Сараево». Николай не знал, откуда оно взялось. Внутри воспоминания были лето, автомобиль и женская шляпа, слетевшая на сиденье. Потом отдельной картинкой — чёрная полоса газетного заголовка. Он не мог разобрать весь текст. Уверенно прочитывал только месяц — июнь. Лицо молодого человека, которое он попытался нарисовать в первую ночь, не давало ни имени, ни основания обвинять кого-нибудь сейчас.

Рядом он поставил вопросительный знак.

Ещё ниже написал: «Сухомлинов». Фамилия всплывала вместе с длинными колонками цифр и раздражённым голосом, говорившим о снарядах. Николай видел эти цифры? Или слышал когда-то похожий доклад и теперь приписывал его сну? Он провёл черту под записью.

До обеда ему принесли дело о назначении губернатора. Кандидат был человеком знакомым, с хорошей служебной характеристикой. В приложении лежала жалоба земского собрания из прежней губернии. Николай начал читать её и почти сразу отложил: в жалобах всегда было много одинаковых слов.

«Недопустимое вмешательство», «необоснованные задержки», «нарушение установлений». Тот же язык, которым другой стороной писалось опровержение.

Министр внутренних дел пояснил, что конфликт преувеличен. Речь шла о технических вопросах бюджета; кандидат действовал в пределах полномочий.

— Значит, назначение можно подписать?

— Безусловно, ваше величество.

Николай взял перо. На секунду перед ним появился другой лист — с текстом, после которого его переставали называть государем. Он положил перо.

— Что именно он задержал?

Маклаков перелистал приложение. Ожидая обычного решения, он не приготовился обсуждать подробности.

— Средства на уездные учреждения. Имелись несогласования…

— Какие учреждения?

— По большей части медицинские.

— Почему в докладе сказано «технические вопросы»?

Министр посмотрел на него внимательнее.

— Потому что разногласие касалось порядка утверждения сметы, государь. Никто не оспаривал необходимости помощи.

— Помощь оказали?

Ответа сразу не было. Николай почувствовал знакомое желание закончить: потребовать дополнительную справку и перейти к следующему делу. Но именно так появлялись бумаги, в которых никто не оспаривал необходимости, пока уезд оставался без денег.

Он распорядился приостановить назначение на неделю и получить ответ о каждой задержанной сумме. Министр выразил готовность исполнить распоряжение. На его лице не было недовольства, и Николай не понял, услышал ли он вопрос или только новый срок.

После приёма государь долго не мог приступить к следующему делу. Семь страниц тетради лежали в нижнем ящике, а неоплаченная больница — на столе. Он перечитал жалобу и поставил закладку там, где сообщалось о задержанной помощи.

Вечером пришёл врач. Александра настояла на визите, не называя его осмотром. Врач спросил о сне, аппетите, головных болях. Николай ответил, что спит достаточно.

— Ники, — сказала Александра.

Врач сделал вид, что не услышал. В присутствии императрицы её муж мог быть правителем, супругом и больным одновременно; выбрать одно положение было трудно.

Николай согласился, что две ночи спал плохо. Измерение пульса заняло меньше минуты. Ощущение собственной слабости осталось после ухода врача. Он снова открыл тетрадь и написал на отдельном листе фамилии детей с возрастом. Посчитал, сколько лет им будет в том июле.

Счёт не помог. Вместо маленькой Анастасии он теперь видел девушку, которая успела вырасти, прежде чем оказалась внизу.

На следующий день он вызвал человека из военной канцелярии и потребовал справку о снабжении. Офицер принёс обзор, приготовленный к очередному обсуждению расходов. Слова в нём были спокойные: «постепенное увеличение», «намеченное восполнение», «производственные возможности».

— Здесь написано, сколько будет, — сказал Николай. — Мне нужно знать, сколько есть.

Офицер объяснил, что сведения сведены по ведомствам и требуют сопоставления. Государь предложил сопоставить.

— К какому сроку?

— Через десять дней.

Офицер записал срок, но не уходил.

— Что ещё?

— Сухомлинову доложить о вашем поручении?

Николай хотел ответить: «Нет». Сухомлинов мог приготовиться, предупредить людей. Впервые за эти дни у государя возникло ощущение, что он успевает сделать что-то раньше беды. Он задержал ответ, разглядывая записанный срок.

— Военному министру положено знать, что проверяют его ведомство, — сказал он после паузы. — Но проверять будут не только его люди.

Когда офицер ушёл, Николай изменил запись рядом с фамилией. Вместо черты написал: «Проверка».

Слова в тетради должны были оставаться тем, что он помнил. Теперь в ней появлялось то, чего он хотел. Он заметил это и завёл второй лист для распоряжений. Первый спрятал глубже.

* * *

Между двумя приёмами Николай попросил принести атлас. Он не объяснил, зачем, и потому получил сразу несколько: большой настольный, дорожный и военный, с закладками у российских границ. Последний он отодвинул. В настольном долго искал Балканы, хотя прежде находил их без труда.

В атласе Сараево оказалось небольшой точкой в стороне от дорог, которыми Николай привык интересоваться. Реку на этой карте почти нельзя было различить. Он накрыл название ногтем, потом убрал палец. Город снова появился, всё такой же маленький. Государь перелистал к более подробной карте.

Секретарь спросил, потребуется ли справка. Государь ответил, что потребуется обычная: население, положение, русские представительства поблизости. Не сведения о заговорщиках. Не даты поездок, о которых он пока ничего не знал. Слово «обычная» пришлось повторить: секретарь ждал особого основания для срочности.

— Когда успеете подготовить, — сказал Николай. — Только без предположений о том, почему я спросил.

Секретарь обещал. Уже у двери задержался, оглянулся на раскрытый атлас и ушёл, так ничего и не спросив.

Позднее пришёл Алексей. Он принёс тетрадь с рисунком судна, о котором говорил за завтраком, и попросил выбрать имя. На странице было три варианта. Один оказался непомерно длинным и занимал две строки.

— Это имя для корабля или для всей эскадры? — спросил Николай.

Мальчик улыбнулся. Он любил, когда отец понимал шутку, не объясняя её как урок. Потом заметил раскрытый атлас и сразу забыл о названиях.

— Куда мы поедем?

— Пока никуда.

— Зачем тогда карта?

Николай подвинул её ближе. Он мог отослать сына и закончить запись. Вместо этого показал Адриатическое море. Алексей проследил берег, сравнил его с рисунком в своей книге и спросил, насколько глубоко там можно пройти на большом корабле. Отец ответил, что для этого нужны другие карты.

— Значит, эта плохая?

— Для твоего вопроса — недостаточная.

Алексей задумался и положил рядом тетрадь. На его рисунке были только видимые части судна; всё, что скрывалось под водой, он оставил белым.

— А если нарисовать то, чего не видно?

— Можно. Если знаешь, как устроено.

— Я знаю приблизительно.

Николай едва не сказал, что приблизительно хватит. Посмотрел на свою руку, всё ещё прикрывавшую Сараево, и убрал её.

Мальчик сам нашёл город по указанию отца. Название пришлось прочесть дважды. Алексей спросил, есть ли там порт. Николай показал, насколько далеко находится море. Сын потерял интерес к точке, но заинтересовался горами. Он говорил о путешествии так, словно любая дорога была доступна, если её терпеливо провести пальцем.

Из коридора позвали к занятию. Алексей сделал вид, что не услышал. Николай сказал, что рисунок можно оставить здесь до вечера. Сын посмотрел на стол, на стопки дел и решил забрать.

— Его могут убрать.

— Я попрошу не трогать.

— Ты можешь забыть.

Он сказал это спокойно, без Ольгиной обиды. Николай отпустил тетрадь. Мальчик спрятал её под мышку и побежал, затем, вспомнив о запрете бегать в коридоре, резко перешёл на шаг. Отец видел это движение и не стал догонять его замечанием.

Справка пришла через два дня. Бумага пахла свежей копией. Босния, австро-венгерское управление, напряжение между национальными группами, дороги, расположение консульских служб. Ничто в ней не относилось к автомобилю и упавшей шляпе. Николай прочёл до конца, затем снова посмотрел на карту.

Николай сверил название со своей записью. Может быть, газетная полоса относилась к другому городу, а автомобиль ехал по другой улице. Он не отправил справку обратно с требованием искать покушение. Положил её рядом с рисунком, на котором не сумел восстановить даже одежду молодого человека.

Ему хотелось вызвать Сазонова немедленно. Он уже приготовил вопрос о том, кто собирается ехать в Боснию летом, но остановился. Если спросить о конкретном посетителе, которого он не сумел назвать, министр займётся догадками. Если назвать Франца Фердинанда —

придётся объяснить, откуда взялось имя. В видении был заголовок, не справка о личности человека.

Николай написал на обороте: «Сопоставить с сообщениями о положении в провинции. Без особых распоряжений на месте». Потом долго смотрел на последнюю строку. Она позволяла отложить действие, и в этом было облегчение, подозрительно похожее на трусость.

Вечером он вернулся к рисунку корабля. Алексей успел дорисовать подводную часть и закрасить её голубым карандашом так густо, что бумага прогнулась.

— Здесь я не уверен, — сказал мальчик, показывая маленькую отметку у кормы. — Учитель обещал принести книгу.

Николай сел рядом и помог подписать названия. Имя судна осталось прежним, длинным. Они сократили его не сразу: сын защищал каждое слово. Когда спор закончился, Николай разрешил оставить все варианты на обратной стороне. Алексей перевернул лист и занял почти всё свободное место.

Государь подумал о своей тетради. У него тоже оставалось несколько вариантов объяснения, но каждый новый он записывал так, словно уже выбрал единственный. Мальчик хотя бы знал, где на рисунке находится часть, которую он ещё не видел.

* * *

Ответ по уездным средствам начался с человека, который не был ни губернатором, ни врачом. Его фамилия стояла внизу копии сопроводительного письма. Он переписал дело в канцелярии и заметил, что две бумаги ссылаются на разные номера одной сметы.

Николай попросил объяснить расхождение. Чиновника привезли вместе с начальником; тот говорил за него, пока государь не попросил самого переписчика ответить.

Молодой человек достал лист, сложенный вчетверо. На листе были номера и даты.

— Здесь первая просьба, ваше величество. Потом её вернули с замечанием. Замечание исправили, но при новой регистрации поставили другой номер. Следующее требование дополнительных сведений ушло к прежнему.

— И никто не сопоставил?

— Сопоставили. Но для изменения записи нужно было отдельное разрешение.

Начальник добавил, что разрешение запрошено. Чиновник с листом замолчал.

— Когда? — спросил Николай.

Назвали дату. Просьба об исправлении лежала дольше первоначальной. В этот промежуток больница считалась не представившей нужных сведений. Губернатор мог честно говорить, что ждёт ответа, а врач — что отправил всё требуемое.

Николай посмотрел на нижнюю подпись.

— Почему вы сами не написали начальству о последствиях?

Молодой человек покраснел. Его начальник начал отвечать, но государь вновь поднял руку.

— Я писал, — сказал чиновник. — Это и есть письмо о последствиях.

Он показал лист, который Николай прежде перелистал, приняв за обычное приложение. В нём не было торжественных слов. Говорилось, что из-за задержки нельзя заключить договор с помощником врача, уже готовым ехать.

Николай прочёл письмо целиком. Потом спросил, успели ли удержать помощника.

— Нет, ваше величество. Он принял другое место.

Николай перечитал фамилию помощника. Деньги ещё можно было перевести. Но место, на которое человек согласился прежде, уже пустовало, а сам он работал в другом уезде. Государь спросил, кого теперь смогут пригласить. Переписчик посмотрел на начальника; ответа у них не было.

Он распорядился исправить регистрацию и потребовал список других дел с подобным расхождением. Начальник выразил опасение, что проверка займёт много времени. Николай

согласился дать время, но оставил срок первого ответа. Переписчик убрал свой лист. Пока он разглаживал сгиб, государь заметил, что у него дрожат пальцы. Человек боялся за то, что сказал верно.

Александра нашла его вечером в кабинете. Она спросила, поедет ли Ольга к тёте в обещанный день. Николай посмотрел на календарь. В этот день была назначена встреча, которую невозможно отменить без объяснений.

— Перенесём на неделю.

— Скажи ей сам.

— Конечно.

— Сегодня, Ники.

Он поднял глаза. Александра держалась за спинку стула, не садясь.

— Почему сегодня?

— Потому что ты обещал ей, когда она спросила прямо. Ты мог сказать, что не знаешь. Она поняла бы.

Он хотел ответить, что государственные дела нельзя подстраивать под поездку девушки. Александра как будто увидела готовый ответ.

— Она не требует отменить твои дела. Она хочет знать, существует ли её просьба после того, как ты вышел из комнаты.

Николай пошёл к дочери. Разговор занял несколько минут. Ольга расстроилась меньше, чем он ожидал, но спросила, не передумает ли он снова. Он обещал проверить календарь прежде, чем назвать следующий день.

Вернувшись, он открыл лист распоряжений. Напротив медицинских средств написал: «Ответ к сроку». Напротив военного снабжения — фамилию человека, который должен принести первичные сведения. Это не было спасением России. Это было начало списка дел, за которые ему предстояло ответить.

Глава 3 Условия министра

Коковцов приехал с двумя портфелями. В одном были обычные доклады, в другом — бумаги по вызову государя. Принимая его, Николай понял, что за ночь министр успел подготовиться лучше, чем он сам.

— Вы просили цифры по свободным средствам, — начал Коковцов. — Я позволил себе принести также обязательства, поскольку одно без другого вводит в заблуждение.

Николай указал на стол. Министр раскладывал листы неторопливо, в том порядке, который позволял возвращаться к уже рассмотренному. На каждом были пометки карандашом.

Первым оказалось не число. Первой оказалась просьба определить, какое решение государь считает срочным.

— Я считаю срочным изменить направление, — сказал Николай.

Коковцов снял очки.

— В каком деле?

— Во всех. Война. Управление. Положение рабочих. Земля.

Министр не выразил удивления. Именно его отсутствие показалось Николаю особенно неприятным.

— Если позволите, я запишу это как четыре разных дела.

Он взял чистый лист и разделил его пополам.

Николай начал говорить о передаче части решений на места, о контроле над расходами, о необходимости добиться доверия Думы. Коковцов записывал, изредка прося уточнить, о какой мере идёт речь. Через несколько минут выяснилось, что государь знает желаемый результат значительно лучше, чем способ его получить.

— Крестьянам нужно дать землю, — сказал Николай, когда очередной вопрос показался ему мелочным.

— Какую?

— Помещичью. Выкупить.

— По какой оценке? С долгами или без? У всех владельцев либо у согласных продать? Кому передавать — общине или хозяйству? Как учитывать уже проведённое землеустройство?

Николай нахмурился.

— Вы считаете, что сделать ничего нельзя?

— Я считаю, что сначала нужно знать, что именно мы делаем. Иначе первой новостью будет обещание, второй — спор о том, почему его не исполнили.

Государь встал. Движение заставило Коковцова подняться следом, и разговор неожиданно приобрёл ненужную торжественность. Николай подошёл к окну; министр остался у стола, ожидая разрешения сесть.

— Не нужно вставать каждый раз.

— Как угодно, ваше величество.

Коковцов сел. Николай некоторое время смотрел на парк. Он хотел сказать этому человеку, что несколько лет спустя все их осторожные вопросы окажутся никому не нужны. Но если сказать, придётся объяснить, откуда он знает. И министр получит основание обсуждать здоровье государя вместо земли и денег.

— Допустим, у нас мало времени, — произнёс он.

— Тогда особенно необходимо не начинать то, что поглотит всё время сразу.

Министр предложил отделить то, что можно проверить в ближайшие месяцы, от того, что потребует закона и продолжительной работы. Он не обещал устранить земельный вопрос к лету. Согласился подготовить меры по задержанным средствам, рассмотреть несколько предприятий для соглашений о труде и представить условия расширения местной ответственности.

Николай слушал с чувством, будто его большой замысел разрезают на такие маленькие куски, что он перестаёт иметь значение.

— А армия?

Коковцов вернулся к первому портфелю.

— Армия уже имеет программу расходов. Если вы хотите ускорения, назовите то, что будет отложено.

— Разве спокойствие страны не важнее всех программ?

— Важнее. Но это не освобождает от оплаты уже сделанных заказов.

Он показал обязательства перед поставщиками, расходы на перевозки, служебные записки по иностранным кредитам. Николай остановился на Франции.

— Если мы откажемся от войны, они перестанут давать деньги?

Коковцов осторожно поправил формулировку:

— Войны сейчас нет. Есть союз и финансовые отношения. Если дать союзнику понять, что обязательства больше не имеют силы, он начнёт защищать свои средства и безопасность. Для этого ему не понадобится объявлять нам вражду.

— Вы хотите сказать, что мы обязаны воевать за кредит?

— Я хочу сказать, что нельзя определить политику словом «отказаться» и оставить прежними все её последствия.

Николай вернулся к столу. Он смотрел на министра уже внимательнее. Коковцов не спорил с желанием мира; он спорил с возможностью получить его, одним движением убрав бумаги, которые раздражали государя.

— Мне нужен человек, который будет говорить это прямо, — сказал Николай.

Министр поднял глаза.

— Тогда понадобится ещё одно распоряжение.

— Какое?

— Не увольнять его после первого неприятного доклада.

На секунду Николай почувствовал гнев. Фраза была произнесена без дерзости, даже устало, но её смысл касался привычки, которую он не желал считать своей. Коковцов не отвёл взгляда.

— Вы боитесь отставки?

— Я боюсь, что мой преемник начнёт с тех же обещаний и потратит время на те же расчёты. Должность переживёт меня, государь. Вопрос в том, что переживёт смену человека.

Николай хотел вспомнить, видел ли министр во сне. В подвале не было никого, кто умел бы отвечать на такие вопросы.

Они договорились о сроках. Проверка снабжения шла отдельно от обсуждения политических мер. Ни одного общего чрезвычайного комитета с полномочиями над всеми ведомствами создавать не стали. Для подготовки конкретных решений назначали ответственных, а результаты должны были ложиться на один стол и сопоставляться.

Коковцов собрал листы. Государь остановил его у двери.

— Владимир Николаевич, вы верите, что мы можем успеть?

— Если будем понимать, куда.

— Удержать страну от войны.

Министр помолчал.

— Тогда начнём с того, чтобы не обещать ей непроверенного.

После его ухода Николай перечитал составленный список. В нём не было ни одной фразы, от которой могло бы сильнее забиться сердце. Только поручения, фамилии и сроки. Он спрятал тетрадь с воспоминаниями в другой ящик, чтобы случайно не положить её в папку для доклада.

Коковцов вернулся домой с копией расчётов. Супруга ждала к ужину; он попросил прежде принести письма. Среди них было обращение старого сослуживца о сыне, которому не

удавалось получить место. Человек напоминал о давнем знакомстве и не скрывал, что надеется на личное участие.

Министр положил конверт рядом с тарелкой. Дома довод о недопустимости предпочтения знакомому уже не имел той лёгкости, с которой произносился на докладе. Он был обязан этому человеку помощью, полученной много лет назад.

— Ты собираешься ответить? — спросила супруга.

— Направлю по надлежащему порядку.

— Он пишет потому, что уже прошёл этот порядок.

Коковцов раздражённо заметил, что она не читала письма. Затем перечитал сам. В нём действительно были два прежних обращения, оставшихся без ясного ответа.

— Если я добьюсь назначения, другой человек его не получит.

— Можно сначала узнать, почему не отвечают.

После ужина министр составил запрос, не требуя предпочтения, но требуя объяснения. Ему самому пришлось отделить проверку от милости. Различие не становилось безупречным потому, что он советовал соблюдать его государю.

В правительственных расчётах обнаружилась ещё одна неприятность. Часть предполагаемых средств зависела от поступления, которое уже учли как надёжное. Подтверждения не было. На приёме Коковцов успел сказать, что расход может быть обеспечен. Теперь можно было внести мелкую оговорку, сохранив красивый итог.

Он переписал итог. Возможная сумма стала меньше. Сохранил прежнюю версию и приложил пояснение, чтобы государь видел, где ошибся министр. Утром курьер спросил, нужно ли заменить первую копию так, чтобы её не осталось в папке.

— Обе остаются, — ответил Коковцов.

Николай заметил изменение сразу.

— Вы говорили иначе.

Министр изложил причину. Государь некоторое время смотрел на уменьшенный итог, потом спросил, что можно обеспечить теперь. Разочарование в вопросе было, требования вернуть прежнюю цифру не было. Коковцов впервые позволил себе считать это результатом их январского разговора.

В тот же день пришёл ответ по сыну сослуживца. Для одного места подтверждения действительно не хватало; для другого кандидата даже не рассмотрели, потому что пересланное прошение зарегистрировали как ответ на отказ. Министр велел исправить движение бумаги, не занимая свободного места собственным распоряжением. Он не мог обещать другу успеха. Мог обещать, что отказ будет относиться к рассмотренному делу. Это стоило меньше громкого обещания и требовало больше работы.

* * *

В тот же январский день на заводе, где работал Иван Соколов, остановили один из станков. Не было ни аварии, ни разорванного ремня. Мастер пришёл с листком и сказал, что на эту операцию пока не выдадут материал. Остальные продолжали работать, поэтому Иван ещё долго слышал рядом привычный грохот, сидя на ящике возле собственной тишины.

Ему было тридцать два года. Из них он успел отдать заводу столько, что различал неисправность по звуку раньше, чем мастер по виду изделия. Это не помогало, когда исправный станок нечем было загрузить.

— За простой как считать? — спросил он.

Мастер попросил не начинать прежде, чем станет известно распоряжение. Рабочий соседней смены рассмеялся: известное распоряжение обычно приносили вместе с расчётом, когда спорить было поздно. Иван не поддержал смех. Он смотрел, как помощник мастера вынимает из шкафа новый инструмент, приготовленный для того самого материала, которого теперь не было.

В контору вызвали троих. Иван пошёл потому, что товарищи попросили, а не потому, что считал себя лучшим говорящим. Начальник отдела объяснил остановку задержкой заказа и предложил временный перевод. Работа была ниже обычной, оплата тоже. Следовало согласиться немедленно: на освобождающиеся места уже были другие желающие.

— Мы должны отказаться от прежнего расчёта? — спросил Иван.

— Вы должны работать, когда вам предлагают работу.

Рядом с начальником сидел молодой бухгалтер. На его столе лежали две ведомости. Он посмотрел на одну, потом на другую и тихо сказал, что вопрос о прошлой смене ещё не решён. Начальник сделал вид, что не услышал.

Иван подписал перевод с указанного числа. Подпись была нужна сегодня, а уговорить двоих других не подписывать он не имел права. У одного болел отец, другой недавно занял деньги у артельщика. Возле своей фамилии Иван оставил слова: «С прежним расчётом не ознакомлен».

На проходной товарищ спросил, зачем он портит бумагу.

— Чтоб потом не сказали, что я согласился со всем.

— Скажут, что ты вовсе не согласился. Тоже результат.

По дороге домой Иван купил хлеб и керосин. За керосин пришлось отдать мелочь, которую он собирался оставить на воскресенье. У двери квартиры он некоторое время перекладывал свёртки, прежде чем постучать: ключ лежал глубоко в кармане, а одной свободной рукой достать его не удавалось.

Дарья открыла, взяла хлеб и отступила, пропуская мужа. Не спросила, почему он задержался. В комнате сохла детская рубаха. Дочь держала её за рукав, прикидывая, скоро ли младшему станет мала. Мальчик сидел на полу с крышкой от коробки и сердился, что она не катится, как колесо.

— Опять? — спросила Дарья, когда дети отвлеклись.

Иван сказал, что работа остаётся. Он привык начинать с этой фразы: она была правдой, от которой жена должна была успокоиться. Дарья спросила, какая работа и сколько заплатят. Тогда пришлось говорить дальше.

Она не упрекала. От этого объяснять становилось труднее. На столе уже лежали деньги, разделённые на маленькие кучки. Самая маленькая предназначалась не им: её нужно было вернуть соседке, которая осенью помогла с лекарством. Дарья передвинула одну монету к другой и остановилась.

— Пока не трогай, — сказал Иван.

— Я и не трогаю.

— Будет другой заказ.

— Когда?

Он не знал. На заводе говорили, что военные расходы растут, что работы хватит надолго, что отказываться от перевода глупо. Те же люди не могли объяснить, кто оплатит промежуток между большим будущим заказом и сегодняшним вечером.

Дочь принесла школьную тетрадь. Ей требовалось проверить задачу, и Иван почувствовал благодарность за числа, в которых ответ можно получить, не зная министра. Он сел, прочитал условие. Девочка уже решила верно, но боялась помарки: соседка сказала, что за неё могут снизить отметку.

— Там видно, что я исправляла, — сказала она.

— Пусть видно, если исправила правильно.

Дарья услышала и посмотрела на мужа. Иван сделал вид, что занят тетрадью. Его собственная приписка тоже была видна, и никто не обещал считать её правильной.

Вечером зашёл Фёдор Лапин. Он работал в другом цехе и слышал об остановке. Принёс газету с заметкой о новых государственных мерах; заметка не говорила ничего о заводе, но Фёдор прочёл её так, словно им обоим предстояло получить деньги уже в субботу.

Иван попросил оставить газету. Дарья убрала её подальше от мокрой рубахи. Фёдор рассказал, что кто-то собирает вопросы для заводского управления. Можно было написать о простое, о расчёте, о переводе без ясных условий. Он говорил осторожнее, чем обычно, будто приглашал не на разговор, а на риск, размер которого ещё нельзя назвать.

— Ты сам пойдёшь? — спросил Иван.

— Если позовут.

— Тебя уже зовут.

Фёдор усмехнулся. Он оставил карандаш: у Ивана его не оказалось под рукой. Сказал, что заберёт позднее, и ушёл, стараясь не хлопнуть дверью из-за спящего мальчика.

Иван написал три строки. В них не было слова «царь». Он спрашивал о конкретной смене и о цене конкретной работы. Написав, прочитал Дарье. Она сказала, что третья строка непонятна: можно решить, будто он согласился ждать сколько угодно.

Он переписал её. На этот раз ответ должен был иметь число. Бумагу положил возле газеты, карандаш — отдельно, чтобы не забыть вернуть Фёдору.

На другой день станок ещё стоял. У Ивана появилась работа в соседнем отделении, а вопрос остался у человека, который обещал передать его в контору.

Глава 4 Человек, которого нельзя заменить

Приказ об ограничении посещений Распутина Александра прочитала стоя. Николай принёс его сам, рассчитывая, что личное объяснение смягчит действие официальных слов.

Она дочитала до подписи, перевернула лист и спросила:

— Кто предложил?

— Я.

— Кто написал?

— По моему распоряжению.

— Значит, ты успел обсудить это с ними прежде, чем со мной.

Он напомнил, что разговор уже был. Александра ответила, что разговором нельзя считать несколько слов ночью и просьбу поверить, когда причина остаётся скрытой.

Николай объяснил необходимость отделить личного гостя от людей, которые считают его дорогой к государственным назначениям. Императрица не спорила о назначениях. Она спрашивала, что будет происходить, когда понадобится помощь Алексею.

— Врачи остаются.

— Врачи оставались и тогда.

Оба знали, о каком случае она говорит. Ему хотелось возразить, что чужая молитва могла совпасть с улучшением. Он понимал, насколько бесполезно говорить это женщине, которая несколько суток видела, как ребёнок не может успокоиться от боли.

— Я не запрещаю письма, — сказал Николай.

— Ты разрешаешь мне переписываться с человеком, которому прежде позволял приходить к нашему сыну.

Она положила приказ на стол. Лист остался между ними до конца разговора. Никто не предложил его убрать.

Анна Вырубова пришла вечером. Александра не сразу сказала ей о распоряжении. Сначала спросила, получено ли письмо из Покровского. Анна ответила, что получено, и стала искать конверт в сумочке.

Письмо было коротким. Григорий жаловался на недомогание, спрашивал о мальчике и просил передать, что молится. Из этих нескольких строк Александра извлекла именно то, чего ей не хватало в разговорах с мужем: кто-то был уверен, что молитва продолжает действовать, даже когда причина беды неизвестна.

— Напиши ему, чтобы ждал моего известия, — сказала она.

Анна посмотрела на лежавший приказ.

— Государь не позволит?

— Я ещё не знаю.

На следующий день Алексей пожаловался на ногу. Сначала говорил, что просто устал. Служитель заметил, как он переносит вес на другую сторону. Мальчик рассердился и потребовал не звать врача: утром был обещан урок, который уже переносили.

Когда Николай пришёл, сын сидел на постели с книгой. Книга была открыта, но он её не читал.

— Мне сказали, ты ударился.

— Немного.

— Где?

— Не помню.

Николай сел рядом. Алексей передвинул книгу, освобождая место. Движение отозвалось болью, которую он не успел скрыть.

— Почему сразу не сказал?

— Потому что тогда всё отменят.

Николай провёл рукой по его волосам. Сын уклонился: ему было неприятно, когда с ним так обращались перед другими. Отец убрал руку.

Врач не обещал срока. Он объяснил, что нужен покой, наблюдение и отсутствие новых повреждений. Николай задавал вопросы, похожие один на другой: что известно, что можно сделать, есть ли человек, который скажет точнее. Врач отвечал теми же словами. Оттого Николай начал подозревать, что тот чего-то не говорит.

Александра слушала и не вмешивалась. Когда врач вышел, она спросила:

— Теперь ты понимаешь?

— Я всегда понимал.

— Нет. Ты всё ещё спрашиваешь, кто может сделать больше. Я знаю, что они иногда больше не могут.

К ночи мальчик почти перестал разговаривать. Николай услышал за дверью, как жена просит не трогать подушку. Простая просьба повторялась с таким напряжением, что он остановился на пороге.

Анна сидела у окна. На её коленях лежал телеграфный бланк. Александра не стала его прятать.

— Я хочу отправить.

Николай прочитал адрес. Письмо в Покровское уже ушло утром; теперь она просила ответа быстрее.

— Отправляй.

Анна поднялась сразу, словно ждала именно этого слова. Николай попросил её задержаться.

— Передайте только о здоровье ребёнка. Никаких просьб по государственным делам.

Александра смотрела на него.

— Ему будет позволено приехать?

— Если это будет нужно вам. И без приёма людей, которые приходят через него.

Она спросила, откуда он знает, кто к кому приходит. Он ответил, что именно это намерен выяснить. Впервые его ответ не содержал обвинения в том, чего он ещё не проверил.

Утром пришло короткое сообщение. Прочитав его, Александра приказала не тревожить Алексея лишними посетителями. Врач согласился, что покой необходим. Улучшение наступило не сразу. Было несколько часов, в течение которых никто не знал, наступит ли оно вообще.

Николай уходил на доклады и возвращался раньше, чем его ждали. На третьем возвращении Александра сказала, что сын начинает пугаться каждого открытия двери. Он остался в соседней комнате.

Внизу уже собирались к очередному приёму. Принесли папку с бумагами. Коковцов писал, что материалы по местным расходам готовы, но по снабжению нужны дополнительные сведения. Раньше Николай раздражался от просьбы о времени. Теперь он сидел за стеной детской и знал, что ожидание бывает единственным честным ответом.

К вечеру Алексей заснул. Александра не отходила. Николай тихо спросил, не хочет ли она поесть. Она покачала головой.

— Это от сообщения? — спросил он.

Александра посмотрела на спящего сына.

— Я не знаю, Ники.

Он ожидал уверенного ответа и не приготовился к этому.

— Но я не стану делать вид, что оно мне не помогло.

Она говорила о себе. Николай понял это не сразу.

* * *

Самым тяжёлым оказался вечер, когда боль уменьшилась, а запреты остались. Алексей потребовал, чтобы ему позволили сидеть у окна. Дядька объяснил, что без врача нельзя. Мальчик напомнил, что утром врач сам перенёс его. Послали спросить, можно ли ещё раз. Пока ждали, сын отвернулся к стене.

Татьяна пришла с маленьким столиком. На нём можно было поставить книгу так, чтобы не держать её в руках. Она измерила расстояние от края постели, переставила ножку и попросила Алексея попробовать. Он отвернулся. Она сказала, что принесла не лекарство.

— Опять лекарство, — сказал он.

Татьяна поставила столик возле стены и вышла за другой книгой. Её упорство иногда походило на материнское, но Алексей мог сердиться на сестру, не чувствуя, что пугает её каждым словом. Когда она вернулась с Марией, он уже согласился посмотреть, что они выбрали.

Мария принесла рисунки. На одном было море, на другом — кот с таким длинным хвостом, что Алексей обвинил её в обмане. Она призналась, что не сумела остановиться вовремя. Это понравилось ему больше моря. Он попросил карандаш, но Татьяна сказала, что сначала нужно найти, куда опереть локоть.

— Ты тоже стала доктором?

— Нет. Я не хочу, чтобы потом всё убрали.

Они спорили, пока служитель не нашёл подходящую подушку. Алексей дорисовал коту парус. Мария приняла исправление с восторгом, будто оно и было её первоначальным замыслом. Татьяна посмотрела на рисунок с осуждением, которое не смогла удержать на лице.

За дверью Александра слышала смех. Она сделала шаг к комнате и остановилась: сейчас её появление означало бы новый вопрос о боли. Анна, стоявшая рядом, предложила войти. Императрица покачала головой.

Через некоторое время смех стих. Александра всё же вошла и сразу увидела на лице сына усталость. Карандаш лежал на одеяле; Мария слишком громко объясняла нарисованный парус, стараясь заполнить молчание.

— Девочки, довольно, — сказала мать.

Татьяна начала собирать книги. Алексей удержал одну рукой.

— Они не виноваты.

— Я не сказала, что виноваты.

Но сказала так, что виноватыми стали все. Мария вышла первой. В коридоре она остановилась у Николая, который как раз шёл к сыну, и спросила, можно ли принести рисунок завтра. Он ответил, что можно. Татьяна тихо напомнила: это будет зависеть от состояния.

Николай заметил, как старшая сестра поправляет младшую даже теперь, когда младшая просто хочет вернуться. Он сам делал то же самое с каждым, кто обещал ему нечто приятное и слишком простое.

В комнате Алексей смотрел на дверь. Александра сидела рядом, её ладонь лежала на одеяле. Мальчик не отодвигался, но и не искал руки.

— Я велела закончить, потому что ты устал, — сказала она.

— Я мог сказать сам.

— Ты не сказал.

— Потому что тогда они уйдут.

Николай подошёл к столику, который так и остался у стены. Там лежала книга, открытая на другой странице. Он спросил, откуда у кота парус. Алексей ответил коротко. Отец всё же рассмеялся, потом показал, что у такого судна получится очень неудобный руль. Сын заинтересовался и сразу получил новый повод спорить.

Александра слушала несколько минут. Затем сказала, что выйдет ненадолго. Алексей кивнул. Ей было больно оттого, как легко он согласился; она старалась не показать этого мужу.

В соседней комнате врач писал заметку о наблюдении. Императрица спросила, не слишком ли утомили ребёнка. Он ответил, что утомление заметили вовремя и что общение само по себе не является повреждением. Она хотела услышать разрешение на завтрашний вечер, но он не дал его заранее.

— Вы никогда не говорите, что будет, — произнесла Александра.

Врач положил перо. Он уже слышал этот упрёк, но теперь рядом не было Николая, которому можно адресовать ответ.

— Я могу сказать, на что смотреть. Могу быть здесь, когда понадобится. Если скажу больше, вы поверите, а я этого не буду знать.

Императрица попросила перечислить признаки ещё раз. Она знала их лучше многих, но перечисление позволяло занять время до возвращения. Врач повторил терпеливо. На последнем слове она сама закончила фразу и устало улыбнулась.

— Вы думаете, я совсем не слушаю?

— Я думаю, вы не можете перестать слушать.

Она посмотрела на стол. На промокательной бумаге остался отпечаток нескольких строк; прочесть их нельзя было. Здесь тоже записывали Алексея, измеряли, сравнивали, оставляли след сегодняшнего дня, который завтра мог оказаться недостаточным.

Когда Николай вышел, она спросила, уснул ли сын. Он сказал, что нет: собирается слушать чтение дядьки. На рисунке появилось второе судно, совершенно непригодное для плавания. Муж выглядел усталым, но впервые за несколько дней не раздражённым.

— Он просил оставить кота на ночь, — сказал Николай. — Чтобы утром не начинать заново.

Александра приложила руку к виску. Хотела попросить мужа остаться, но он уже подвинул стул к двери, чтобы служитель мог пройти. Она спросила, когда у него следующий доклад.

Он назвал время. Они ещё постояли возле закрытой двери, прежде чем каждый пошёл в свою сторону. Внутри комнаты шелестели страницы. Алексей потребовал читать без пропусков, хотя минуту назад уверял, что эту часть уже знает. Никто не стал доказывать ему противоречие. Сегодня он хотя бы мог выбирать, на чём настоять.

* * *

Позднее, когда врачи смогли сказать, что опасный период миновал, они вернулись к приказу. Его переписали. Порядок посещений определялся отдельно; вмешательство в назначения и приём просителей исключалось. Александра согласилась с формулировкой, хотя доверять людям, которые будут её исполнять, не обещала.

Она спросила, можно ли теперь назвать то, что Николай увидел ночью. Он сказал, что пока не может.

— Значит, ты просишь меня верить твоему страху, — произнесла она. — А мой считаешь помехой.

Николай хотел возразить. Не нашёл ответа и сел рядом.

Они некоторое время молчали. За дверью служитель разговаривал с Алексеем о книге. Мальчик спорил: теперь он снова мог спорить. Николай слушал этот спор и впервые допустил мысль, что сохранить семью и заставить всех согласиться с ним — разные задачи.

Когда Алексей смог вернуться к обычным занятиям, Александра ещё несколько дней ловила каждый звук из его комнаты. Она привыкла угадывать состояние по тому, как быстро сын отвечает. Если он молчал, сразу находилась причина подойти.

Однажды он захлопнул книгу при её появлении.

— Почему ты всё время приходишь?

Она сказала, что хотела узнать о занятии. Мальчик показал страницу: пусть посмотрит, он действительно занимался. В его голосе была обида, которую она прежде охотно относила к усталости. Теперь он выглядел достаточно хорошо, чтобы обида принадлежала ему самому.

— Мне хочется знать, как ты, — ответила она.

— Я сказал утром.

Александра села. Сын не освободил место рядом сразу. Сначала сделал вид, что занят закладкой; затем отодвинул вещи.

Она спросила, сердится ли он из-за отменённого урока. Алексей сказал, что из-за того, что все спрашивают одно и то же. Отвечая каждому отдельно, он целый день должен помнить о ноге.

Императрица посмотрела на его руки. Маленькие, уже умеющие слишком многое скрывать. Ей хотелось объяснить, что такое жизнь, в которой никто не вправе забывать об опасности. Но объяснение легло бы на него ещё одним запретом.

— Я попробую приходить реже, — сказала она.

— Даже если боишься?

Она не стала отрицать страх.

— Даже тогда. Но ты должен говорить, когда действительно нужно.

Мальчик согласился слишком быстро. Александра не стала требовать клятвы. Проверила, дотягивается ли он до звонка, и вышла, не оборачиваясь у двери второй раз.

Выходя, Александра задержалась у двери. Сын уже вернулся к рисунку; лоб перестал морщиться от необходимости отвечать. Она почувствовала неожиданную ревность к этому спокойствию, в котором не требовалась. Почти сразу ревность сменилась стыдом. Он имел право хотя бы несколько минут не спасать её от тревоги.

Анна ждала в соседней комнате с новым письмом. Императрица взяла его, но не открыла сразу. Впервые за эти дни решение подождать касалось не врача и не мужа. Оно касалось её самой.

Часть вторая

Глава 5 Деньги на мир

Февраль начался с письма, которое Николай едва не подписал по привычке.

Его подготовили заранее. В нём говорилось об отставке Коковцова и необходимости разделить два высших правительственных поста. Государь сам обсуждал этот вопрос ещё до январской ночи. Нагрузка была велика, недовольство министром росло, другие люди обещали более удобное взаимодействие. Ни один из прежних доводов не исчез только оттого, что несколько ночей Николай плохо спал.

Рядом лежала справка о задержанных медицинских средствах. В трёх случаях нарушение обнаружили, в двух спор оказался сложнее, чем жалоба; по одному уезду сведения ещё проверяли. Коковцов не написал, что всё решено. Он указал, какой ответ отсутствует и кто за него отвечает.

Николай убрал письмо об отставке в папку. Вызванный секретарь уже приготовился принять его для отправки.

— Пригласите Владимира Николаевича.

Секретарь посмотрел на закрытую папку. Государь заметил взгляд и почувствовал почти удовольствие: человек увидел перемену, не получив объяснения. Потом вспомнил январский приказ об охране и объяснил. До обсуждения обязанностей решение не состоялось. Письмо оставалось неподписанным, распоряжения об увольнении не было.

Коковцов приехал после обеда. Он ожидал отставки; это было видно по тому, как мало новых бумаг привёз. Николай предложил часть текущих финансовых дел передать другим ответственным лицам, сохранив установленную подчинённость. Министр спросил, не создадут ли второе управление, которое начнёт давать обещания от его имени. Пришлось разбирать не только распределение работы, но и право подписывать ответы.

Государь считал, что оказывает доверие. Коковцов вёл разговор так, словно доверие требовало прежде всего ясной границы между двумя столами.

— Вы не рады? — спросил Николай.

— Я рад продолжить дело, которое вы поручили. Не хотел бы продолжать его в виде спора с человеком, которому поручили то же самое другими словами.

Они договорились не сразу. В конце министр попросил перечень мер, которые государь считает ближайшими. Получил короткий лист. Немедленного передела всей земли, всеобщих пенсий и нового порядка управления на нём не было. Эти намерения оставались в другой тетради, которую Николай уже успел показать родственнику, попросив сохранить разговор.

Через два дня о намерениях говорили как об утверждённой программе.

* * *

На заседании Коковцов положил перед собой оба перечня. Сазонов пришёл раньше других и попросил показать строку о внешней политике. Прочёл, вернул и спросил, кому её уже сообщали за границей. Министр ответил, что никому. Сазонов сказал, что это нужно проверить, поскольку в дипломатическом разговоре иногда сообщают больше, чем собирались.

Маклаков занял место напротив. Он привёз копии двух писем: в одном губернское управление спрашивало, следует ли приостанавливать землеустроительные решения, в другом дворянский предводитель просил защитить собственность от готовящегося выкупа. В обоих ссылались на высочайшее намерение.

— Какая именно мера принята? — спросил Маклаков.

— Ни одна из тех, о которых они пишут.

— Значит, прежде всего придётся отменять то, чего не принимали.

Коковцов признал это. Ему самому было неприятно начать работу с исправления слуха, но слух уже влиял на сделки. В одном имении собственник остановил переговоры о продаже, рассчитывая, что государство заплатит больше. Крестьяне решили, что им запрещают покупать потому, что землю скоро раздадут.

Министр просвещения спросил о средствах на училища. Военный представитель напомнил о программе заказов. Они говорили по очереди, но каждый говорил так, будто только его расход действительно нельзя отложить. Коковцов предложил указать последствия отсрочки на бумаге. Из зала ответили, что последствия известны. Он попросил всё же записать.

— Мы будем составлять отзывы, пока другие будут обещать, — сказал Маклаков.

— Поэтому в первом сообщении будет написано, что предложения изучаются.

— Кто поверит такому сообщению после разговоров о новой России?

Сазонов поднял глаза от своего листа.

— За границей поверят той части, которую сочтут для себя опасной. Остальное пропустят.

Обсуждение внешних обязательств заняло дольше, чем Коковцов рассчитывал. Сазонов не возражал против переговоров о предотвращении войны. Возражал против слова «нейтралитет», произнесённого как готовый ответ на любую возможную войну. Нужно было определить, что Россия делает при нападении на союзника, при провокации союзника и при споре, в котором каждый назовёт другого нападающей стороной.

— Государь хочет избежать европейского столкновения, — сказал Коковцов.

— Я тоже. Но французский посол услышит, что в случае столкновения останется один. Даже если государь хотел сказать другое.

Военный представитель согласился с ним. Маклаков, прежде молчавший, добавил, что и в России отказ от обязательств назовут слабостью. Коковцов записал оба возражения. Ему хотелось ответить, что слабостью уже называют любую перемену. Он сдержался: этот ответ ничего не объяснил бы о договорах.

Разговор о земле оказался ещё менее удобным. В первоначальном перечне стояло «выкупить и передать». Слова занимали строку. Для ответа потребовались сведения о залогах, оценке, добровольных продажах, уже заключённых сделках и различиях между губерниями. Коковцов сам зачитывал вопросы, чтобы никто не мог приписать их одному противнику реформ.

— Если землю передать бесплатно, почему тот, кто вчера взял кредит на покупку, продолжит платить? — спросил один из участников.

Ответа в перечне не было.

— Если списать ему долг, почему не списать долг соседу, который потратился на инвентарь?

Коковцов заметил, как несколько человек за столом обменялись взглядами. Кто-то подвинул свою папку ближе, будто обсуждение уже закончилось. Министр велел записать вопрос и потребовал представить варианты: кому и сколько пришлось бы платить при каждом из них. Папку пришлось открыть снова.

К концу заседания большого перечня никто не подписал. Определили ограниченные поручения: проверить движение местных средств, подготовить варианты трудовых соглашений для нескольких предприятий, сопоставить военные заказы с фактическими возможностями перевозки, описать законный порядок расширения доступа комиссий к документам. Работа по изменению самого порядка управления оставалась отдельной.

Коковцов проводил министров и остался у стола. На сукне сохранилось кольцо от чужого стакана. Вокруг него лежали листы, из которых должно было получиться нечто меньшее и более полезное, чем новая эпоха.

Секретарь спросил, можно ли разослать общий протокол. Коковцов попросил прежде письменные замечания.

— Большинство уже высказано.

— Вслух мы услышали, что всё невозможно. На бумаге пусть объяснят, какая именно строка.

До вечера пришли четыре ответа. Один состоял почти целиком из опасений относительно общего направления. Другой содержал точные замечания о действующем законодательстве. Самый короткий был о деньгах на местах: ведомство просило не обещать средства, пока не определён источник. Коковцов отметил это как правильное, хотя автор обычно мешал любой перемене.

Внизу ждал чиновник, отправленный с первым пакетом медицинских смет. В одном уезде сумму задержали до получения дополнения к плану здания. Здание существовало; дополнительного плана не требовалось. В другом деньги нельзя было провести по выбранной статье. Третий получатель умер, а его назначение продолжали учитывать.

— Они не хотели возвращать кредит, ваше превосходительство. Если сообщить, надо заново просить назначение.

— И поэтому не сообщали?

Чиновник кивнул. Часть злоупотребления объяснялась страхом остаться без помощи, ради которой его совершили. Коковцов приложил показания к справке, не снимая ни одной фамилии. Государь должен был увидеть и эту сторону порядка.

* * *

Через неделю Николая попросил о приёме землевладелец, с которым прежде он беседовал на охоте. Просьбу передали через родственника. Обычно она получила бы место в одном из небольших вечерних приёмов. Теперь государь согласился отдельно, предполагая, что услышит привычное возмущение.

Гость привёз не жалобу, а старую карту имения. На сгибах бумага почти разошлась. Он разложил её осторожно, придерживая край ладонью, и показал участок, который хотел продать ещё осенью.

— Покупатели теперь ждут, ваше величество. Управляющий говорит, что торговаться с ними бесполезно.

Николай спросил, не слишком ли высока цена. Гость назвал долги. Часть имения была заложена; продажа должна была закрыть ближайший платёж. Цена могла оказаться чрезмерной, но её снижение не уменьшало требования банка.

— Вы хотите, чтобы государство заплатило за ваши долги?

Вопрос прозвучал грубее, чем Николай намеревался. Гость убрал руку с карты. Между ними была память о нескольких лёгких разговорах, где никому не приходилось оправдываться в праве владеть тем, чем он владел.

— Я хочу знать, будет ли оно покупать. Чтобы мне не ждать напрасно.

Государь замолчал. Он ожидал довода о священной собственности и получил вопрос о дате платежа. В этом вопросе можно было видеть корысть, но нельзя было считать, что ожидание ничего не стоит.

Гость показал дом управляющего и дорогу к мельнице. Николай подумал, что сейчас начнётся перечисление семейных заслуг. Вместо этого землевладелец объяснил: при продаже участка придётся договариваться о проходе. Без дороги покупатели получат землю, которую нельзя нормально использовать; с дорогой соседний участок потеряет часть цены.

— Кто будет договариваться, если землю купит казна?

Николай не знал. Попросил оставить карту. Гость придержал её рукой: экземпляр был единственный, с поправками управляющего, его ждали дома.

— Тогда снимут копию, — сказал государь.

Посетитель поблагодарил. Благодарность была облегчением, не согласием с земельной политикой. Уходя, он попросил не считать его противником помощи крестьянам. Николай ответил, что вопрос будут рассматривать по существу. Слова были верными, и всё же он увидел, как мало успокоили человека.

Коковцов получил копию карты вместе с запиской. Государь просил подготовить условия, при которых переговоры о добровольной продаже можно продолжать, не дожидаясь общего решения. Министр написал, что такие возможности уже существуют, но известие о возможной бесплатной передаче подрывает готовность покупать сейчас.

Николай перечитал ответ с раздражением. Опять мешали его собственные слова. Он вызвал человека, которому рассказал о намерении, и попросил передать исправление тем же людям. Тот заверил, что сам говорил осторожно.

— Вы сказали, что я решил?

— Я сказал, что вы склоняетесь к решению.

— А они услышали?

Собеседник улыбнулся, надеясь смягчить вопрос. Николай не улыбнулся в ответ. У них было достаточно способов превратить желание в приказ, не произнеся прямой лжи. Государь пользовался некоторыми из этих способов сам.

В сообщении о ближайших мерах оставили только принятые поручения. Газета, которой передали текст, назвала его первым шагом большого переустройства. Николай предложил исправить заголовок. Ему объяснили, что заголовок принадлежит редакции. Можно потребовать, но тогда рассказ о доверии начнётся с требования печатать удобные слова.

Он разрешил отправить разъяснение. Газета поместила его ниже прежней заметки. Гость с картой продолжал ждать покупателя; крестьяне продолжали ждать бесплатной земли. Первая неточная фраза жила быстрее всех последующих.

* * *

В середине февраля государю передали записку Дурново. Он начал читать поздно вечером, ожидая ещё одного предупреждения о либералах. Первые страницы говорили о европейских противоречиях; дальше — о том, какой тяжести не выдержит Россия, если война станет долгой.

Николай остановился на рассуждении о военных неудачах и том, на кого их будут возлагать. В тетради у него стояла дата отречения. В записке не было ни даты, ни видения. Автор выводил последствия из устройства страны и ожидаемого напряжения. От этого предупреждение казалось надёжнее, чем собственная память, и неприятнее: его мог увидеть всякий, кто достаточно внимательно смотрел на настоящее.

Он дочитал до места, где автор объяснял опасность внутриполитической борьбы. Дальше аргументы против войны соединялись с доводами против перемен, которые Николай хотел начать. Государь вернулся на несколько страниц, пытаясь отделить полезное от лишнего. Разделить не удалось так легко, как оторвать один лист.

Коковцов, приглашённый на следующий день, указал на места, где оценка интересов Германии была чрезмерно благоприятной. Николай раздражённо спросил, почему даже предупреждение о катастрофе они не могут принять целиком.

— Потому что предупреждение тоже написано человеком, государь.

— Если он прав о войне?

— Это не делает верным всё остальное. Мы можем воспользоваться доводом и продолжить проверять выводы.

Николай положил записку рядом с картой имения. Ещё недавно ему казалось, что противники перемен просто не понимают близкой опасности. Теперь один из них описал опасность без всякого видения и именно поэтому требовал большей неподвижности. Политические

группы переставали совпадать с теми двумя сторонами, на которые государь хотел разделить людей.

Из Петербурга пришли сведения о разговорах вокруг его здоровья. Спрашивали, почему он переменил решение об отставке; кто убедил его заговорить о новых гарантиях для Думы; не стоит ли за этим императрица. Сама Александра о многих намерениях узнавала позднее тех, кто приписывал их ей.

— Им легче считать, что ты делаешь по моему совету, — сказала она. — Тогда не придётся спрашивать, почему раньше ты делал по их совету.

Николай рассмеялся. Смех закончился быстро, но вечером он вернулся к записке и дочитал её, не пытаясь превратить каждую строку в подтверждение сна.

Позднее супруга попросила показать перечень того, что ему приписывают. Николай дал ей короткий лист. Она заметила, что вокруг такого листа не стали бы говорить столько.

— Есть другой, — признался он.

Александра ждала. Он вынул тетрадь намерений; тетрадь видения осталась в ящике. Жена читала медленно, дольше задерживаясь на местах, о которых не слышала от него. Николай стоял у окна, чувствуя себя человеком, который показал половину правды и ждёт благодарности.

— Почему ты решил, что они примут всё сразу? — спросила она.

— Я не решил.

— Ты хотел.

Он не спорил. Александра закрыла тетрадь и вернула. Она не стала обсуждать конституцию. Спросила, кто останется рядом, когда первые сторонники рассердятся, что получили меньше обещанного.

Николай назвал Коковцова. Потом понял, что назвал только его.

— Один человек тоже может устать, Ники.

На последнем листе он записал поручение подготовить отдельное обсуждение внешних обязательств. Перо остановилось перед словом «нейтралитет». Объявить его хотелось немедленно. Но слова уже читали люди, которых он не видел, и каждый выбирал в них то, что относилось к собственной надежде или собственному страху.

Глава 6 Цена доверия

В начале марта Гучков получил приглашение, в котором не было указано, кто ещё будет присутствовать. Он счёл это частью торга и взял с собой записанные вопросы. Приём состоялся без большого круга сановников. Но секретарь находился в соседней комнате, и оба собеседника знали, что позднее их слова превратятся в официальную бумагу.

Николай предложил говорить свободнее, чем обычно. Гучков воспользовался предложением не сразу. Он хотел понять, действительно ли государь готов слышать то, за что прежде сердился.

Гучков не сразу сел. Он прошёл к предложенному креслу, посмотрел на бумаги у государственного стола и спросил, приглашён ли для обсуждения готового решения.

— Для обсуждения того, что можно сделать, — ответил Николай.

— Тогда я позволю себе не начинать с благодарности.

Государь указал на кресло ещё раз. Гучков сел. Чай принесли обоим; предложение чего-нибудь крепче он отклонил. Разговор мог продлиться, и ему не хотелось, чтобы потом в пересказе появился бокал, которым скрепили соглашение.

Николай заговорил о доступе Думы к сведениям, о подготовке предложений по ответственности министров и о гражданских гарантиях. Он говорил дольше, чем предполагал. Гучков слушал, почти не двигаясь, и это молчание постепенно стало казаться отказом.

— Вы хотели именно этого, — сказал государь.

— Я хотел, чтобы можно было указать, что именно изменилось. Пока мы говорим о намерении.

— Вы не допускаете, что намерение искреннее?

— Допускаю. Оно может быть искренним и не дойти до исполнения.

Николай вспомнил, сколько раз слышал о недостатке его решимости. Теперь он проявлял решимость и получал тот же взгляд, что при сомнении.

— Если консерваторы выступят против, мне понадобится ваша поддержка.

— В каком вопросе?

— В подготовке нового порядка. В объяснении людям, что перемены возможны без разрушения государства.

Гучков положил ладони на подлокотники. Он мог ответить легко: сказать, что готов к сотрудничеству ради России, оставить подробности на потом. Именно таким ответом обычно завершались приёмы, после которых стороны объявляли друг друга обманщиками.

— За решение о документах я готов выступить. За текст, которого ещё не читал, выступить не могу. Не смогу также обещать вам молчание прессы.

— Я не прошу молчания.

— Вы хотите, чтобы она объяснила вашу цель прежде, чем станет судить результат. Это возможно у некоторых. У всех — нет.

Николай почувствовал досаду. Гучкову нравилось ссылаться на общество, когда он требовал уступок; теперь он говорил о нём как о силе, которой никто не управляет.

— Вы считаете, что общество способно принять решение, но не способно выслушать объяснение?

— Я считаю, что в нём много людей. Они выслушают разные объяснения.

За стеной упал какой-то предмет. Оба замолчали. Послышался тихий голос секретаря, и тишина восстановилась. Николай посмотрел на дверь; Гучков заметил движение и решил, что государь ищет способ окончить приём.

Вместо этого Николай спросил о прежних столкновениях между правительством и представительством. Не о виновниках вообще, а о конкретном случае, когда после запроса министр

изменил форму ответа так, что проверить его стало невозможно. Гучков помнил случай слишком хорошо. Начал говорить быстро, затем вынул свой перечень, чтобы не утонуть в подробностях.

Государь слушал. Несколько фамилий были ему знакомы с противоположной стороны: эти люди докладывали о недопустимом вмешательстве и политической демонстрации. Сейчас один и тот же эпизод приобретал другое движение. От вопроса переходили к ограничению, от ограничения — к новому вопросу, который сам становился поводом для отказа.

— Вы спрашивали не только о расходе, — заметил Николай.

— Да. Я спрашивал, почему нам не отвечают о расходе.

— И сделали из него вопрос о власти.

— Министр сделал первым, когда решил, что объяснение необязательно.

Николай вернулся к строке о расходе. Гучков наклонился через стол и показал, какую часть ответа ведомство убрало после повторного запроса. Теперь они спорили над одним листом. Государь попросил секретаря найти прежний ответ, не прерывая приёма.

— Я не обещаю вам поддержку после любого решения, — сказал он. — Обещаю отвечать за поддержку тех, которые назову. Если их отменят, тоже назову.

Николай попросил показать лист. Гучков подвинул его, удерживая за край, пока государь не взял. В этом движении оставалось недоверие: бумагу можно было присоединить к делу, объяснив потом согласие шире, чем оно прозвучало. Николай велел секретарю подготовить копию для обоих.

Гучков перевернул тот же лист. На обороте были вопросы о гарантиях. В нём были вопросы, которых Николай не ожидал услышать столь прямо.

Что случится, если министр не ответит на запрос? Может ли комиссия требовать первичных документов? Где заканчивается право чиновника ссылаться на государственную тайну? Кто определит, что мера действительно чрезвычайная? Что помешает самому монарху отменить договорённость после неудачного голосования?

— Вы считаете, что я намерен вас обмануть? — спросил Николай.

— Я считаю, что через полгода вам может показаться, будто обстоятельства изменились.

Он сказал это без усмешки. На лице государя появилась холодность, знакомая Гучкову по прежним встречам. Разговор мог закончиться прямо сейчас, и ничего из сказанного не попало бы в печать.

— Обстоятельства иногда действительно меняются.

— Поэтому нам нужен порядок их рассмотрения, ваше величество. Доброго расположения недостаточно.

Николай посмотрел на дверь. Секретарь был за ней, но в эту минуту ему казалось, что там стоит кто-то из людей, требовавших подписи в вагоне.

— Я не отдам управление людям, которые думают только о собственной борьбе.

Гучков выдержал паузу.

— Тогда выбирать между ними придётся обществу. У нас не будет собрания без тщеславных людей. Как и министерства без тщеславных министров.

Николай спросил, готов ли сам Гучков принять решение большинства, если оно окажется ему неприятно. Тот ответил, что обещать постоянное согласие было бы нечестно; подчиняться установленному порядку он готов.

— Вы говорите так, словно всё уже определено.

— Именно этого я хотел бы добиться. Чтобы после нашего разговора было определено хоть что-нибудь.

Секретаря пригласили обратно. На стол легли два листа с разными почерками. Согласованный текст оказался короче обоих. Предстояло подготовить законные предложения, обеспечить документы для нескольких комиссий и представить порядок ответа министров. Изби-

рательный вопрос переносили в отдельное обсуждение. Ограничение произвольных мер ещё требовало работы юристов и согласования с Государственным советом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.